ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
ЦД2
1746

72

Сущность значеніе конституціи

3534

4Д2
Л746

Графа Лорисъ-Меликова

АРХИВ БУНДА

ЛОНДОНЪ
1901.

Ц202
1746

СУЩНОСТЬ и ЗНАЧЕНІЕ КОНСТИТУЦІИ.

Графа ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВА.

ЛОНДОНЪ
1901.

Экз.

R.

ЦД2
Л 746

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
200
27
Ц 13729 У

2012
У

Въ широкомъ смыслѣ слова конституція означаетъ ничто иное, какъ государственный строй, т. е. форму государственнаго правленія, независимо отъ того, опредѣляется ли эта форма закономъ, существующимъ соотношеніемъ силъ, обычаемъ или — наконецъ — является результатомъ стихійнаго хода событій. Такимъ образомъ конституція есть нѣчто, существующее во всякомъ государствѣ и потому чрезвычайно многообразное какъ по основнымъ принципамъ, такъ и по формѣ; поэтому-же для того, чтобы составить себѣ всестороннее представленіе о сущности конституціи, необходимо расчленить это понятіе на составныя части. Въ тѣсномъ смыслѣ слова конституція и конституціонный режимъ означаютъ особый видъ государственнаго строя, строго отличный отъ всѣхъ другихъ и, хотя и поддающійся много-

образному развитію, но всегда и всюду сохраняющій одинаковую сущность. Въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слова конституція и въ научномъ и въ практическомъ отношеніи есть дѣтище новаго времени.

Верховный принципъ новѣйшей конституціонной системы лежитъ отнюдь не только въ области политики, хотя бы и старающейся сознательнымъ вмѣшательствомъ достигнуть благородныхъ цѣлей, но главнымъ образомъ въ области права. Въ центрѣ ея стоитъ признаніе правъ народа и — какъ средство осуществленія этихъ правъ — предоставленіе народу или корпораціи, являющейся естественною и вѣрною выразительницею его взглядовъ, такого положенія по отношенію къ правительству, которое обезпечивало-бы дѣйствительное господство общей воли.

Такимъ образомъ конституціонная система въ томъ видѣ, какъ она сложилась со времени сѣверо-американской и послужившей непосредственнымъ образцомъ для Европы французской революціи, равнозначуща — въ теоріи вполнѣ,

а на практикѣ по крайней мѣрѣ приблизительно — съ системою логически развитаго государственнаго права въ примѣненіи къ существующимъ и исторически сложившимся условіями.

1) Основной принципъ этой системы гласить такъ: государственная власть есть власть общественная; она исходитъ отъ народа и въ принципѣ никогда не перестаетъ принадлежать ему. Иными словами государственная власть есть ничто иное, какъ общая воля членовъ общественнаго союза, дѣйствующая въ сферѣ, опредѣляемой общественнымъ договоромъ. Слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о какой-либо власти, опирающейся на господство или на право собственности, о власти „божьею милостью“, патріархальной и т. п., и вообще о какой-бы то ни было власти, основывающей свои притязанія на чемъ-либо иномъ кромѣ общественнаго договора; или по крайней мѣрѣ власть, хотя бы первоначально имѣвшая иное происхожденіе, но исторически завоевавшая себѣ правовое положеніе, должна быть урегулиро-

вана по содержанію и формѣ и ограничена такъ, чтобы въ дѣйствіяхъ ея, благодаря тѣсной связи съ народомъ, возможно вѣрно и полно отражалось господство истинной общей воли.

2) Первымъ и самымъ необходимимъ условіемъ для этого является возможность для управляемаго народа подавать при всякомъ случаѣ свой голосъ. А такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ главнымъ образомъ, если не исключительно, о такихъ государствахъ, которыя по самымъ размѣрамъ своимъ, не могутъ собирать въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ гражданъ, то необходимо свободно избранное представительное учрежденіе, являющееся дѣйствительнымъ выразителемъ взглядовъ народа и имѣющее необходимыя на то полномочія.

3) Между этими представительными учрежденіями и правительствомъ должно существовать такое раздѣленіе власти или такое соотношеніе силъ дѣйствія и противодѣйствія, которое обезпечивало-бы возможно болѣе полное господство истинной, разумной и не под-

верженной случайнымъ колебаніямъ общей воли и съ другой стороны препятствовало бы господству чьей бы то ни было единоличной воли и торжеству временно введенной въ заблужденіе или же мнимой общей воли.

4) Такіе результаты достигаются лучше всего передачею главной доли законодательной власти со включеніемъ права утверждать налоги въ руки національныхъ представительныхъ учрежденій, исполнительной-же власти — въ руки правительства. Этимъ однако отнюдь не исключается признаніе за обоими государственными органами, дѣйствующими порознь или сообща, права контролировать другъ друга, сдерживать и требовать отчета.

5) Народу съ законодательною и исполнительною властью и вообще внѣ всякой зависимости отъ всѣхъ носителей власти должно существовать авторитетное учрежденіе, разрѣшающее въ отдѣльныхъ случаяхъ спорные или сомнительные вопросы, т. е. высказывающее на основаніи чисто научныхъ соображеній или независимаго убѣжденія свое сужденіе о томъ,

что — согласно существующимъ законамъ — имѣетъ правовой характеръ и что нѣтъ; сужденія эти должны имѣть обязательный характеръ для организацій, надѣленныхъ властью. Такимъ образомъ устройство независимыхъ и возможно болѣе безпристрастныхъ судовъ есть дальнѣйшее изъ основныхъ требованій конституціоннаго режима.

6) Чтобы сохранить за народнымъ представительствомъ характеръ выразителя истинныхъ мнѣній народа и придать дѣйствіямъ правительства направленіе, соотвѣтствующее той цѣли, ради которой оно поставлено, весь народъ и каждый гражданинъ въ отдѣльности должны имѣть неограниченное право полученія свѣдѣній объ общественныхъ дѣлахъ и выраженія своихъ мнѣній и сужденій о дѣйствіяхъ правительства. Общественное мнѣніе, почти равнозначущее съ разумною общею волею, должно имѣть возможность высказываться безпрепятственно; факты, относительно которыхъ оно имѣетъ право и обязанность высказываться, должны доходить до его свѣдѣнія въ непри-

крашенномъ и не фальсифицированномъ видѣ. Гласность дѣйствій правительства и преній представительныхъ учрежденій и свобода печати составляютъ поэтому существенную часть конституціоннаго режима.

7) Понятіе общественнаго союза и присущей ему живой общественной воли неразрывно съ понятіемъ равенства и свободы всѣхъ членовъ общества. Поэтому конституціонный режимъ предполагаетъ для всѣхъ одинаковое участіе въ благахъ государственнаго союза, одинаковое (охраняемое закономъ или судами) обезпеченіе личной свободы, а также законнаго владѣнія и доходовъ, одинаковое право всѣхъ способныхъ къ тому на полученіе государственныхъ должностей и чиновъ; съ другой стороны онъ на всѣхъ налагаетъ одинаковыя обязательства передъ закономъ, одинаковое подчиненіе установленнымъ властямъ и одинаковое, т. е. пропорціональное получаемой отъ государства охранѣ владѣнія и доходовъ, участіе въ государственныхъ повинностяхъ.

8) Къ числу вытекающихъ изъ свободы и равенства правъ каждаго гражданина конституціоннаго государства принадлежатъ также свобода вѣроисповѣданія (поскольку оно не связано съ дѣйствіями, которыя сами по себѣ противорѣчатъ закону, нравственности, порядку или общей безопасности) и свобода эмиграціи, т. е. выступленія изъ государственнаго союза; гражданиномъ конституціоннаго государства могутъ быть только свободные люди, а не крѣпостные.

9) Государственное имущество можетъ быть употребляемо только на общественныя цѣли, одобряемыя общею волею; управленіе имъ должно находиться подъ контролемъ народныхъ представителей. Частное имущество царствующаго дома (и вообще стоящихъ во главѣ правленія лицъ и семей), разумѣется, не подчиняется такому контролю; кромѣ того для приличествующаго званію содержанія монарха и его дома ему долженъ быть данъ изъ средствъ государства достаточный цивильный листъ (а также удѣлы и т. п.).

10) Конституціонный монархъ лично за свои дѣйствія не отвѣтственъ. Всѣ же чиновники (всѣ вообще лица, состоящія на службѣ правительства или государства) отвѣтственны за правильное и конституціонное пользованіе ввѣренною имъ властью не только передъ своимъ непосредственнымъ и высшимъ начальствомъ и королемъ, но и передъ народнымъ представительствомъ, въ особенности министры и высшія должностныя лица; ихъ проступки и преступленія въ этой области должны вѣдаться особымъ государственнымъ судомъ. Члены-же народнаго представительства, функція которыхъ состоитъ только въ выраженіи своихъ мнѣній, а не въ активномъ пользованіи властью, которые только создаютъ законодательныя нормы голосованіемъ, а не приводятъ ихъ насильственно въ исполненіе, неотвѣтственны за свои дѣйствія въ этой области, какъ не отвѣтственъ самъ народъ, отъ имени котораго они выступаютъ и котораго мнѣнія, желанія и волю могутъ и обязаны выражать по своему свободному убѣжденію.

I. Если признать, что въ основѣ государства должно дѣйствительно лежать право, а не простая фактическая сила, то безусловно необходимо допустить существованіе общественнаго договора (возникшаго издавна или заключеннаго позднѣе, выраженнаго категорически или только молчаливо подразумѣваемаго, Божественное происхожденіе власти государя — мистическая и устарѣвшая идея, совершенно неспособная быть воспринятою умственно созрѣвшими націями несмотря на всѣ усилія легитимистовъ. Такъ же не состоятельна и идея наслѣдственной собственности на землю, населенную цѣлымъ народомъ; заимствованная же изъ эпохи патріархальныхъ отношеній между племенемъ и вождемъ его идея отеческой власти надъ подданными или страной относится исключительно къ области поэзіи. Наконецъ власть самодовлѣющая, не опирающаяся ни на какое законное право, не можетъ служить фундаментомъ правоваго отношенія. Слѣдовательно, чтобы придать государственному союзу правовой характеръ и значеніе, остается только

допустить существованіе категорически выраженнаго или молчаливаго договора, и именно общественнаго договора; только изъ естественныхъ правъ общества можно вывести разумныя правила для установленія правовыхъ отношеній въ государствѣ. Конституціонная система признаетъ это и потому ставитъ себѣ главною задачею осуществленіе идеи государства, построеннаго и управляемаго по принципамъ разумно понимаемыхъ общественныхъ правъ, т. е. государства, имѣющаго въ виду достиженіе цѣлей, общихъ всему народу. Согласно принципамъ общественнаго права всѣ общественные вопросы разрѣшаются исключительно общею волею въ ея непосредственномъ проявленіи или черезъ посредство особыхъ органовъ. Слѣдовательно она же рѣшаетъ вопросъ о формѣ правленія и о лицахъ, которымъ оно должно быть вручено. Рѣшеніе ея въ этомъ вопросѣ должно быть обязательно для всѣхъ членовъ общества. Такимъ образомъ права царствующихъ домовъ (если они не хотятъ ограничиться весьма скромною, но

въ то-же время весьма опасною ролью землевладѣльцевъ) могутъ быть основаны только на актѣ общей воли (законѣ или основномъ законѣ); только въ этомъ случаѣ всѣмъ членамъ общества можетъ быть вмѣнено въ обязанность почитать правителя (и его законныхъ преемниковъ), какъ органъ общей воли (въ опредѣленной сферѣ дѣятельности), и — слѣдовательно — повиноваться ему. Избранный правитель особымъ договоромъ обязуется (за себя и своихъ законныхъ преемниковъ) передъ обществомъ править согласно нормамъ, установленнымъ закономъ; такимъ образомъ упомянутымъ выше закономъ и этимъ договоромъ опредѣляются правовыя отношенія между правителемъ и подданными, т. е. между законнымъ органомъ общей воли и членами общества.

Легитимисты, т. е. частью мистическіе, частью низко своекорыстные сторонники самодержавія, любятъ объявлять такія конституціонныя идеи простымъ обманомъ или непригодными теоріями, совершенно чуждыми людямъ

практическаго смысла. Но люди, заявляющіе это, забываютъ, что даже въ исторіи эта конституціонная теорія неоднократно была практически осуществляема. Не говоря уже о различныхъ республиканскихъ формахъ правленія, мы видимъ, что и въ монархическихъ государствахъ вполнѣ опредѣленно и торжественно провозглашаются такіе законы и заключаются такіе договоры. Только на такихъ условіяхъ вступилъ на англійскій престолъ Вильгельмъ Оранскій и послѣ него весь ганноверскій домъ и на основахъ той-же теоріи сталъ Луи Филиппъ королемъ французовъ. То, что здѣсь было провозглашенно категорически и формально, то для другихъ государей должно предполагаться молчаливо, чтобы ихъ тронъ былъ прочно обоснованнымъ на правѣ и имѣлъ разумно понимаемую законность.

II. Такъ какъ душою каждаго общества является живущая въ ней общая воля и возможно вѣрное выраженіе ея, то главная задача конституціонной системы заключается въ томъ, чтобы дать общей волѣ членовъ государства

возможно вѣрнѣе отражающій ее органъ. Установленное правительство призвано приводить въ исполненіе и поддерживать общую волю, поскольку она уже высказана; но оно не можетъ само высказываться за нее въ новыхъ вопросахъ и вполнѣ замѣнить ее. Какъ бы широкъ ни былъ кругъ полномочій, предоставленныхъ обществомъ правительству, общество все же сохраняетъ за собою право свободно выражать свою живую волю, имѣющую законную силу. Но какимъ образомъ можетъ народъ вѣрно выразить свою общую волю? Каковъ естественный и вѣрный органъ ея? Въ очень мелкихъ государствахъ такимъ органомъ является вѣче, т. е. собраніе всѣхъ (политически) полноправныхъ гражданъ, большинство котораго имѣетъ неограниченное право принимать рѣшенія отъ имени народа и высказывать его желанія и требованія. Въ болѣе крупныхъ государствахъ такимъ органомъ можетъ быть только корпорація, свободно избранная изъ среды народа. При разумныхъ избирательныхъ законахъ такая корпорація явля-

ется естественною и неподдѣльною представительницею всего народа и потому въ правовомъ отношеніи можетъ быть признана тождественною съ нимъ. Въ этомъ естественномъ и неподдѣльномъ народномъ представительствѣ, имѣющемъ цѣлью представлять передъ правительствомъ интересы и права народа, заключается сущность конституціоннаго строя. Слѣдовательно существуетъ безконечная разница между такимъ представительствомъ и аристократическими феодальными сеймами, которыми реакціонныя партіи такъ охотно подмѣнили-бы созданное новѣйшимъ временемъ истинно національное представительство. Феодальные сеймы представляли лишь тѣ касты и корпораціи, къ которымъ принадлежали засѣдавшіе на нихъ чины, т. е. дворянство и духовенство. Такъ называемое третье сословіе, т. е. главная масса націи, было представлено самымъ жалкимъ образомъ въ лицѣ депутатовъ отъ нѣсколькихъ городовъ и занимало совершенно подчиненное положеніе; между тѣмъ ему (разумѣется, со включеніемъ дворянства и духовенства, вхо-

дящихъ въ составъ гражданъ) должно принадлежать исключительное право на выраженіе воли народа въ сношеніяхъ съ правительствомъ. Феодальные сеймы конечно служили сдерживающимъ элементомъ для правительства, но въ то же время въ не меньшей или даже гораздо большей степени они были учрежденіемъ, заглушавшимъ истинный голосъ народа, незаконно ставившимъ себя на его мѣсто. Сеймы были учрежденіемъ, создавшимся исторически, но не имѣвшимъ за себя никакихъ разумныхъ правовыхъ основаній; они стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ міросозерцаніемъ и потребностями культурныхъ народовъ, достигшихъ политической зрѣлоста. Они выросли изъ средневѣковаго варварства, поддерживались игнорированіемъ всѣхъ основъ права и затѣмъ уже держались при болѣе высокомъ уровнѣ развитія народа лишь въ силу традиціи; уничтоженіе ихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ благодѣяній французской революціи, которыя могутъ примирить съ кое какими вредными послѣдствіями ея.

Какъ ни естественной кажется идея представительства всего народа въ видѣ корпораціи, избранной свободнымъ голосованіемъ его, на самомъ дѣлѣ она является изобрѣтеніемъ новѣйшаго времени. Только такое представительство можетъ осуществить идею истинной общей воли и сдѣлать изъ государства, основаннаго на насиліи, правовое государство. Закономъ въ государствѣ становится не то, чего требуетъ личная воля правителя, а только то, что признаетъ общая воля политически полноправныхъ гражданъ государства. Какъ бы честны ни были намѣренія правительствующихъ лицъ, они могутъ ошибаться благодаря предвзятости своихъ взглядовъ; но они могутъ быть и вѣроломными, т. е. преслѣдовать вмѣсто общаго блага свои личныя цѣли. Слѣдовательно, чтобы не подвергаться всѣмъ случайностямъ индивидуальныхъ мнѣній и характеровъ отдѣльныхъ лицъ, народъ долженъ имѣть полную возможность свободно выражать свои взгляды, свои потребности, свои требованія, свою волю; иначе говоря, народу долженъ быть данъ ест-

Института Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б.) 413729

ественный и потому неподдѣльный органъ для такого выраженія. А такой органъ не можетъ быть созданъ иначе, какъ путемъ свободнаго выбора всѣми членами общества, которыхъ онъ долженъ представлять.

III. Государственная власть имѣетъ право приказывать и приводить въ исполненіе все то, что необходимо и полезно въ цѣляхъ государства. Но кто-же будетъ рѣшать вопросъ о томъ, что именно необходимо и полезно? Какимъ образомъ народъ можетъ быть застрахованъ, что подъ предлогомъ необходимости или полезности на него не возложатъ такихъ повинностей, жертвъ и ограниченій свободы, которыя на самомъ дѣлѣ ненужны и не полезны и служатъ только частнымъ выгодамъ и незаконнымъ интересамъ? — Тутъ нѣтъ никакого другого средства кромѣ того, чтобы само общество, т. е. тѣ, на которыхъ падаютъ повинности, жертвы и ограниченія, налагало ихъ или по крайней мѣрѣ давало свое согласіе на такія дѣйствія правительства. Добровольное рѣшеніе или согласіе тѣхъ, кто несетъ тяготы,

налагаемыя актомъ государственной власти, служитъ лучшею порукою за то, что не будетъ сдѣлано ничего несправедливаго и обременительнаго. Если-же какъ нибудь и случится ошибка, то самые виновники ея легко могутъ исправить ее. Отсюда, казалось-бы, слѣдуетъ выводъ, что народному собранію или собранію свободно избранныхъ представителей народа должна быть предоставлена цѣликомъ вся государственная власть, разъ только всѣ или по крайней мѣрѣ большинство активныхъ гражданъ признаются разумными и благонамѣренными и единственно заинтересованными въ принимаемыхъ рѣшеніяхъ. Но какъ бы ни расширять предѣлы, дающіе право активнаго гражданства, все-же остается въ народѣ много лицъ, не могущихъ подавать свой голосъ (по несовершеннолѣтію или неспособности). Кромѣ того цѣли, которыя ставитъ себѣ государство, не имѣютъ преходящаго характера, не ограничиваются лишь интересами и желаніями гражданъ, живущихъ въ данную минуту, а охватываютъ благо и грядущихъ поколѣній; поэтому нужно

имѣть въ виду, что рѣшенія народнаго собранія или представителей народа, даже и будучи полезны живущимъ въ данное время гражданамъ, могутъ нарушать права и интересы слѣдующихъ поколѣній. Поэтому разумный народъ не ограничится тѣмъ, что сохранитъ за собою или своими представителями права, ограничивающія власть правительства и необходимыя для противовѣса индивидуальной волѣ правителей, противорѣчащей общей волѣ; онъ наложитъ такое-же ограниченіе и на свою собственную власть посредствомъ правъ, предоставленныхъ правительству, съ цѣлью дать ему возможность своевременнымъ вмѣшательствомъ предохранить великое, никогда не умирающее цѣлое (т. е. общество со включеніемъ грядущихъ поколѣній) отъ необдуманныхъ или незаконныхъ постановленій народнаго собранія или представительства, вызванныхъ неполнотою собранія, неосвѣдомленностью его или временнымъ увлеченіемъ и ослѣпленіемъ. Кромѣ того правительству слѣдуетъ конечно передать всѣ тѣ функціи, со-

средоточеніе которыхъ въ его рукахъ не представляетъ ни малѣйшей опасности и которыя въ то-же время могутъ быть выполнены имъ лучше, чѣмъ собраніемъ народа или его представителей; сюда относятся прежде всего всѣ тѣ отрасли, въ которыхъ и направленіе и содержаніе дѣятельности, распоряженій и мѣропріятій достаточно опредѣляются и регулируются существующими уже законами, т. е. высказавшеюся уже общею волею.

IV. Развитыя нами положенія заключаютъ въ себѣ конституціонный принципъ раздѣленіа власти между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Здѣсь дѣло идетъ не объ объективномъ раздѣленіи, которое мы предоставляемъ школьнымъ теоретикамъ или фантазіи философовъ государственнаго права, имѣющихъ склонность къ поэзіи, а о субъективномъ; дѣло идетъ о такомъ раздѣленіи власти между двумя органами, находящимися во взаимодѣйствіи, которое предоставляло бы возможно бо́льшую свободу и самостоятельность каждому изъ нихъ въ хорошихъ, т. е. дѣйствительно

соотвѣтствующихъ общей волѣ, поступкахъ и, наоборотъ стѣсняло-бы въ поступкахъ дурныхъ, т. е. по невѣдѣнію или злонамѣренности противорѣчащихъ общей волѣ. Такимъ путемъ лучше всего можетъ быть обезпечено гармоническое сотрудничество обоихъ органовъ въ стремленіи къ одной цѣли — правильному выполненію задачъ государства.

Многіе горячо защищаютъ единство государственной власти: одни — въ интересахъ чисто теоретической доктрины, другіе — съ практическою цѣлью воспользоваться этимъ ученіемъ въ интересахъ самодержавія. Мы можемъ безусловно признать такое единство, поскольку подъ нимъ подразумѣвается лишь единство понятія, или, иначе говоря, лежащая въ основѣ всѣхъ мыслимыхъ проявленій государственной власти общая идея, заключающаяся въ признаніи за общею волею, или органами ея, права на господство въ предѣлахъ, установленныхъ общественнымъ договоромъ. Но такому единству не наноситъ никакого ущерба самое дробное раздѣленіе власти, будь

въ основу его положено содержаніе или направленіе дѣятельности, форма ея или объемъ и т. д.; точно также не наноситъ никакого ущерба и требованіе раздѣленія государственной власти между нѣсколькими взаимно ограничивающими другъ друга органами. Подобно тому какъ право собственности можетъ принимать самыя разнообразныя формы и допускаетъ и раздѣленіе собственности между нѣсколькими лицами и совмѣстное владѣніе, не переставая при этомъ быть единымъ понятіемъ, такъ и государственная власть. Всевозможные проявленія, направленія, формы и объекты ея отнюдь не нарушаютъ принципа ея единства; не нарушаетъ его и раздѣленіе ея между нѣсколькими участниками, дѣйствуютъ-ли они обособленно или совмѣстно. Такимъ образомъ единство государственной власти отнюдь не нарушается раздѣленіемъ ея на законодательную, исполнительную и вообще административную, контролирующую, судебную и т. д.; точно такъ же не нарушается оно дѣленіемъ власти на полицейскую, финансовую, судебную,

военную и т. д. съ какими угодно дальнѣйшими подраздѣленіями. (Нужно однако замѣтить, что муниципальная власть, избирательная и нѣкоторыя другія, включаемыя иногда въ понятіе государственной власти, на самомъ дѣлѣ сюда не относятся.) Точно такъ же это принципіальное единство не нарушается и участіемъ — совмѣстнымъ или раздѣльнымъ — нѣсколькихъ лицъ въ осуществленіи власти. Именно съ такимъ случаемъ и имѣетъ дѣло конституціонная система; для нея важно только субъективное раздѣленіе власти, объективное — же — лишь постольку, поскольку оно неразрывно связано съ первымъ или служитъ для болѣе яснаго разграниченія сферы дѣйствія обоихъ носителей власти (правительства и народнаго представительства).

Въ виду этого намъ необходимо остановиться лишь на двухъ, по самой природѣ своей существенно отличныхъ другъ отъ друга родахъ власти. Всѣ вопросы, регулированіе которыхъ входитъ въ компетенцію государственной власти, т. е. общей воли могутъ быть

раздѣлены на общіе, принципіальные и частные, конкретные. Рѣшенія по вопросамъ перваго порядка устанавливаютъ правила для руководства въ частныхъ случаяхъ, подходящихъ подъ данное понятіе, и могутъ быть названы законами. Рѣшенія-же по вопросамъ второго порядка или сводятся къ простому примѣненію уже существующихъ законовъ къ отдѣльнымъ подходящимъ случаямъ или являются непосредственными актами общей воли въ случаяхъ, еще не предусмотрѣнныхъ законами. Подъ одну изъ этихъ рубрикъ подходитъ всякій актъ государственной власти, если только — какъ того требуетъ и обычное и научное словоупотребленіе — понимать подъ словомъ „власть“ только право на выраженіе воли или приведеніе воли въ исполненіе (причемъ слѣдовательно такъ называемая судебная власть, состоящая лишь въ чисто разсудочной функціи изслѣдованія обстоятельствъ дѣла и постановки рѣшенія, исключается изъ сферы дѣйствительной власти). Конституціонная система заключается отнюдь не въ томъ, что законо-

дательная власть вручается одной сторонѣ, народному представительству, исполнительная же, т. е. активно дѣйствующая, — другой, правительству, а въ томъ что обѣ стороны совмѣстно принимаютъ участіе въ обоихъ видахъ власти, только въ различной долѣ. Эта доля должна опредѣляться естественными свойствами обѣихъ сторонъ, сообразно которымъ и отводится имъ преобладающая роль въ той или иной сферѣ.

Для осуществленія законодательной власти естественно наиболѣе, хотя и не исключительно, пригодно народное представительство, для осуществленія же административной — правительство. Поэтому въ законодательствѣ конституціонная система отводитъ господствующую роль народному представительству, въ администраціи — правительству. Но она ограничиваетъ законодательную власть перваго, предоставляя правительству право veto и утвержденія (иногда также и иниціативы), и административную власть второго, давая народному представительству — смотря по обстоятель-

ствамъ — право или только знакомиться съ мѣропріятіями правительства и требовать въ нихъ отчета у министровъ, или же давать или не давать предварительное разрѣшеніе на такія мѣропріятія. Къ послѣднему относится разрѣшеніе на сборъ податей, на расходованіе казенныхъ денегъ на опредѣленныя цѣли, на заключеніе займовъ и т. д., къ первому — всѣ акты администраціи безъ различія. Причина всего этого ясна. При установленіи общихъ правилъ для руководства на будущее время рѣшающимъ моментомъ, по крайней мѣрѣ для большинства народныхъ представителей (предполагая достаточную степень пониманія у голосующихъ) являются интересы всего общества. Во всякомъ случаѣ тутъ народъ проявляетъ власть надъ самимъ собою, между тѣмъ какъ роль правительства была бы тутъ вполнѣ произвольною и слѣдовательно отнюдь не общественною. Для устраненія же возможныхъ ошибокъ и увлеченій народнаго представительства достаточно предоставляемаго правительству права veto. Наоборотъ, въ сферѣ,

уже нормированной закономъ, непосредственное проявленіе народнаго представительства было-бы ненужнымъ или неудобнымъ. Здѣсь полномочія должны быть предоставлены правительству, обязанному только сообщать о своихъ дѣйствіяхъ народному представительству для предотвращенія незаконныхъ поступковъ. Отдѣльные важные вопросы, не нормированные напередъ законодательствомъ, подлежатъ по справедливости совмѣстному разрѣшенію правительства и народнаго представительства, или по крайней мѣрѣ первое должно быть отвѣтственнымъ за свои дѣйствія въ этой области передъ вторымъ. Эта отвѣтственность министровъ передъ народнымъ представительствомъ съ одной стороны и предоставляемое правительству право распущенія палаты депутатовъ съ другой — дополняютъ систему равновѣсія обѣхъ властей — правительства и народнаго представительства, необходимую въ интересахъ господства дѣйствительной общей воли.

Изъ общихъ принциповъ раздѣленія власти вытекаетъ уже самъ собою тотъ фактъ, что

наряду съ перечисленными уже правами и функціями конституціонная система предоставляетъ правительству право назначать чиновниковъ, награждать чинами, вести сношенія съ иностранными государствами и т. д.; нужно однако имѣть въ виду, что во всѣхъ этихъ случаяхъ правительство обязано руководствоваться общими принципами, установленными закономъ, а при сношеніяхъ съ иностранными государствами должно — по крайней мѣрѣ въ болѣе важныхъ случаяхъ — испрашивать впослѣдствіи одобренія народнаго представительства; министры-же во всякомъ случаѣ должны быть отвѣтственны за свои дѣйствія въ этой области. Точно также изъ самой компетенціи народнаго представительства вытекаетъ, что ему и каждому изъ его членовъ въ отдѣльности должно принадлежать право вносить предложенія и проекты постановленій (предъявляемые отдѣльными членами палатѣ или палатами правительству) и принимать всевозможныя петиціи; гражданамъ-же, каждому въ отдѣльности или какому угодно числу ихъ

вмѣстѣ, а также общинамъ, корпораціямъ, союзамъ и т. д. должно быть разрѣшено подавать петиціи народному представительству.

Конституціонная система не настолько фиксирована во всѣхъ мелочахъ, чтобы были невозможны различныя отклоненія и видоизмѣненія. Смотря по внутреннимъ и внѣшнимъ условіямъ отдѣльныхъ государствъ, по степени образованія и характеру народа, по большей или меньшей степени развитія традиціонныхъ историческихъ правъ отдѣльныхъ фамилій или классовъ, вообще по историческимъ воспоминаніямъ, привычкамъ и нравамъ народа и т. п. становится желательнымъ или возможнымъ предоставленіе болѣе широкихъ или болѣе ограниченныхъ политическихъ правъ народу и народному представительству съ одной стороны, правительству — съ другой. Система устанавливаетъ только общія идеи, основные принципы, практическое же осуществленіе ихъ примѣнительно къ обстоятельствамъ предоставляетъ мудрости лицъ, занятыхъ въ каждомъ дан-

номъ случаѣ выработкою проектовъ конституціи.

V. Что такъ называемая судебная власть, главная функція которой — изслѣдованіе обстоятельствъ дѣла и сужденіе о немъ — носитъ чисто разсудочный характеръ, въ сущности вовсе не можетъ считаться „властью“ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, — объ этомъ мы уже говорили. Поэтому и при изслѣдованіи раздѣленія властей о судебныхъ функціяхъ не можетъ быть и рѣчи; можно даже сказать, что для постановки приговора носитель власти, какъ таковой, гораздо менѣе пригоденъ, чѣмъ любой частный человѣкъ, обладающій разумомъ и чувствомъ законности. Слѣдовательно судебная власть не должна находиться въ рукахъ ни короля, ни народнаго представительства. Нѣкоторыя конституціи предоставляютъ верхней палатѣ судебныя функціи, особенно въ дѣлахъ о важныхъ государственныхъ преступленіяхъ и въ случаѣ жалобы нижней палаты на министровъ; но это не вытекаетъ изъ самой системы, а основывается

лишь на исторической традиціи или является незаконнымъ искаженіемъ системы въ угоду предразсудкамъ. Еще вреднѣе предоставленіе палатѣ права самой разбирать дѣла о наносимыхъ ей (напр. гражданами, писателями и т. д.) оскорбленіяхъ и такимъ образомъ выносить строгіе карательные приговоры въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Разумѣется, полицейская власть надъ своими членами и въ предѣлахъ зданія палаты можетъ находиться въ ея рукахъ; но дѣйствительно тяжкіе проступки должны разбираться обыкновеннымъ судомъ.

Но если власть не должна сама являться судьей, то, повидимому, опасно предоставлять ей и право назначать судей. Это несомнѣнно нежелательно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о чрезвычайныхъ судахъ. Назначеніе же обыкновенныхъ судей, постоянная функція которыхъ состоитъ въ разборѣ текущихъ судебныхъ дѣлъ, можно предоставить правительству; не потому, что назначеніе судей является естественною прерогативою короны, а потому, что, какъ выражается одинъ остро-

умный писатель, кто нибудь да долженъ ихъ назначать, а правительство, въ общемъ призванное примѣнять законы, кажется для такой роли болѣе подходящимъ, чѣмъ кто либо другой. Но, разъ будучи назначены, судьи должны занимать возможно независимое отъ правительства положеніе, такъ чтобы имъ по возможности меньше приходилось ожидать отъ милости правительства и по возможности меньше бояться его немилости; въ своихъ приговорахъ они должны руководиться только собственнымъ своимъ убѣжденіемъ (разумѣется, въ предѣлахъ законовъ). Права на занятіе судейскихъ мѣстъ и способъ назначенія должны быть такъ регулированы закономъ, чтобы оставалось по возможности меньше мѣста произволу; рядъ послѣдовательныхъ инстанцій долженъ обезпечивать побѣду истиннаго права. Что касается въ частности уголовныхъ дѣлъ, то конституціонная система требуетъ, чтобы наряду съ учеными и постоянными судьями для юридической стороны дѣла засѣдали для сужденія о самомъ фактѣ преступленія и при-

сяжные, выбираемые на время посредствомъ жребія изъ числа разумныхъ и добросовѣстныхъ людей; присяжнымъ-же должно принадлежать и разрѣшеніе вопроса о томъ, достаточны-ли собранныя улики для возбужденія тяжкаго обвиненія противъ кого-либо изъ гражданъ. Всякіе исключительные суды, административное судопроизводство, произвольные аресты и заключеніе въ тюрьму безусловно несовмѣстимы съ конституціонною системою.

Такимъ образомъ судоговореніе изъемлется конституціонною системою изъ подъ вліянія власти, и выставляемое нѣкоторыми въ видѣ аксіомы сомнительное положеніе: „все правосудіе исходитъ отъ государя“ (toute justice émane du roi) можетъ быть понимаемо лишь въ смыслѣ примѣненія права, но отнюдь не созданія его. Приговоры, выносимые независимыми судьями отнюдь не отъ имени власти, а отъ имени священнаго права, приводятся въ исполненіе государственною властью, и это приведеніе въ исполненіе естественно лежитъ на обязанности правительства.

VI. Основнымъ принципомъ конституціонной системы является возможно полное осуществленіе господства истинной общей воли. Съ этимъ принципомъ въ непримиримомъ противорѣчіи стоитъ всякое облеченіе покровомъ тайны правительственныхъ мѣропріятій, преній представительныхъ учрежденій и вообще всего, касающагося государственныхъ дѣлъ. Конституціонная система требуетъ гласности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. (Сохраненіе въ тайнѣ нѣкоторыхъ дѣйствій, допустимое въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности при сношеніяхъ съ иностранными государствами, но во всякомъ случаѣ лишь временное, ничуть не колеблетъ общаго правила.) Народъ или его представители получаютъ право контролировать правительство и принимать участіе въ болѣе важныхъ дѣйствіяхъ его; государственныя дѣла признаются затрагивающими интересы народа, кровными дѣлами самого народа; — при такихъ условіяхъ было бы вопіющимъ правонарушеніемъ лишить народъ возможности знако-

миться съ тѣми фактами, обстоятельствами, юридическими и политическими мотивами, которые только и должны опредѣлять направленіе его воли, чтобы она была разумною, и знакомство съ которыми только и можетъ направить общественное мнѣніе въ сторону добра, т. е. правды. Всякое утаиваніе возбуждаетъ подозрѣніе въ обманѣ или злонамѣренности, и ни на чемъ другомъ конституціонная система не настаиваетъ такъ рѣшительно и безусловно, какъ на гласности. Съ этимъ требованіемъ самымъ тѣснымъ образомъ связано и требованіе свободы печати, которую мы сейчасъ разсматриваемъ только съ этой стороны, съ точки зрѣнія конституціоннаго принципа. Друзья самодержавія, рекомендующіе держать въ тайнѣ всѣ дѣйствія правительства, или по крайней мѣрѣ мотивы ихъ и предшествующія имъ конфиденціальныя совѣщанія, и дрожащіе передъ гласностью засѣданій представительныхъ учрежденій, разумѣется оказываются заклятыми врагами свободы печати; и, ведя противъ нея войну, они вполнѣ послѣдовательны, потому

что самодержавіе и свобода печати несовмѣстимы другъ съ другомъ. Кто хочетъ или допускаетъ свободу печати, тотъ долженъ махнуть рукой на самодержавіе, и наоборотъ. Vita Conradini mors Caroli; mors Conradini vita Caroli. Не говоря уже о всѣхъ другихъ драгоцѣнныхъ результатахъ свободы печати и о всѣхъ другихъ неприкосновенныхъ основаніяхъ ея права на существованіе, съ точки зрѣнія конституціонной системы очевидно, что современный представительный образъ правленія остался бы пустымъ звукомъ и обманомъ, похожимъ на издѣвательство, безъ свободы печати.

VII и VIII. Конституціонная система не только разрѣшаетъ вопросъ о лицахъ, являющихся носителями государственной власти, и о формахъ проявленія ея, но заключаетъ въ себѣ также признаніе всѣхъ драгоцѣнныхъ правъ, присущихъ гражданамъ государства, какъ таковымъ и какъ людямъ вообще. Личная свобода, охрана собственности и заработка, равенство передъ закономъ и судьями — вотъ,

напримѣръ, неотъемлемыя права, присущія каждому гражданину конституціоннаго государства, какъ таковому. Свобода богопочитанія, поскольку форма выраженія его не противорѣчитъ неприкосновеннымъ интересамъ государственнаго союза, и свобода эмиграціи (по выполненіи обязанностей по отношенію къ государству и согражданамъ) — суть права личности, какъ таковой; источникомъ ихъ не является государство, но они должны пользоваться въ конституціонномъ государствѣ особымъ покровительствомъ.

IX. Государственное имущество, какъ имущество общественное, является по принципамъ конституціонной системы собственностью всего народа; правительство только распоряжается имъ, но обязано давать отчетъ въ расходованіи денегъ народному представительству. Подъ государственнымъ имуществомъ понимаются прежде всего недвижимыя имущества, принадлежащія обществу на правахъ частной собственности. Сюда-же относятся всѣ доходы, источникомъ которыхъ слу-

житъ публичное право. Всѣ доходы съ такъ называемыхъ регалій (большинство которыхъ, правда, отвергается конституціонною системою) и въ особенности доходы, получаемые отъ всякаго рода налоговъ, составляютъ общественное достояніе, а отнюдь не собственность государей. Только отъ государственныхъ недвижимыхъ имуществъ нужно отличать имущества, принадлежащія государю и его фамиліи на правахъ частной собственности. Во многихъ, особенно нѣмецкихъ государствахъ такихъ имуществъ очень много, такъ какъ дѣйствительно большинство ихъ образовалось изъ имѣній, постепенно скоплявшихся въ рукахъ одного дома путемъ наслѣдованія, браковъ, покупки и другихъ частно-правовыхъ сдѣлокъ. Но и въ этомъ случаѣ публичное право по меньшей мѣрѣ примѣшивается къ частному. Очевидно, что имѣнія, дававшіяся въ старину королевскимъ служащимъ въ ленъ въ видѣ платы за службу, не могутъ быть приравнены къ аллодамъ, принадлежавшимъ знатнымъ землевладѣльцамъ и государямъ;

кромѣ того по неоспоримому свидѣтельству исторіи оба вида владѣнія издавна разсматривались также какъ средство покрытія расходовъ на общественныя нужды. Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что очень многія имущества пріобрѣтались на основахъ публичнаго права, напримѣръ, посредствомъ войны, заключенія мира, конфискаціи церковныхъ имуществъ и т. п., нѣкоторыя-же прямо выдѣлялись изъ общественнаго достоянія; обыкновенно такія имущества и по наслѣдству переходили не въ порядкѣ частнаго владѣнія, а въ порядкѣ, опредѣленномъ основными законами государства. Конституціонная система, принципы которой построены на строгомъ уваженіи къ праву, отнюдь не имѣетъ виду конфисковать дѣйствительно частное имущество царствующихъ домовъ въ пользу народа; но она охраняетъ права и послѣдняго, а между тѣмъ первоначальное происхожденіе удѣловъ, особенно старыхъ, покрыто мракомъ, смѣшеніе публичнаго права съ частнымъ продолжалось такъ долго, что врядъ-ли возможно теперь точно, на осно-

ваніи опредѣленныхъ и очевидныхъ правъ разграничить существенно отличные другъ отъ друга виды имуществъ, объединяемыхъ подъ однимъ названіемъ „удѣловъ“; при такихъ условіяхъ лучше всего на основаніи мирнаго и справедливаго соглашенія выдѣлить часть имѣній или опредѣленную долю дохода со всѣхъ удѣльныхъ имѣній въ пользу царствующаго дома, остальное же передать въ собственность общества. Если-же такое соглашеніе не состоится, то по нашей системѣ слѣдуетъ по крайней мѣрѣ при установленіи размѣровъ цивильнаго листа имѣть въ виду смѣшанный правовой характеръ удѣловъ; справедливость тѣмъ болѣе требуетъ въ этомъ случаѣ особой щедрости при назначеніи содержанія царствующей фамиліи, что по сложившимся историческимъ условіямъ наибольшая доля удѣловъ составляетъ вѣроятно дѣйствительно частное имущество государей.

X. Если лица, стоящія во главѣ правленія, совершенно безотвѣтственны за свои дѣйствія и распоряженія, т. е. отвѣтственны только

передъ Богомъ и своею совѣстью, то народъ является по отношенію къ нимъ совершенно беззащитнымъ — онъ зависитъ отъ доброй или злой воли, отъ необдуманныхъ поступковъ и капризовъ своихъ повелителей. Съ другой стороны отвѣтственность государя не совмѣстима съ монархическимъ принципомъ, да кромѣ того влечетъ за собою во многихъ отношеніяхъ опасность, въ особенности-же ту, что вводитъ въ искушеніе силою избавиться отъ отвѣтственности. Въ виду этого конституціонная система выставляетъ въ качествѣ аксіомы или постулата слѣдующее положеніе: „Государь не можетъ желать ничего незаконнаго; если же правительство дѣлаетъ или приказываетъ что либо незаконное, то не самъ государь желалъ этого, а его совѣтники или уполномоченные, которые и являются истинными виновниками: на нихъ и падаетъ отвѣтственность, и народное представительство имѣетъ право привлечь ихъ къ отвѣтственности передъ особыми судами. Легко понять, что безъ этого все представительное правленіе,

т. е. правовое государство вообще, было бы пустымъ призракомъ; все, что обезпечивается самыми торжественными актами, увѣреніями и клятвами, на самомъ дѣлѣ было бы въ зависимости отъ легкомысленныхъ капризовъ самодержца или отъ эгоистическихъ разсчетовъ министровъ, преслѣдующихъ интересы той или иной касты. По конституціонной-же системѣ ни одинъ актъ воли государя не приводится въ исполненіе, если отвѣтственный министръ не удостовѣрилъ своею подписью подъ приказомъ, что актъ этотъ законенъ и направленъ къ общему благу. Приказы, не имѣющіе такого характера, не будутъ подписаны министромъ и слѣдовательно не будутъ имѣть силы; министры, связанные законною отвѣтственностью, будутъ своими представленіями воздерживать государя отъ всѣхъ ложныхъ шаговъ, а съ другой стороны эта отвѣтственность заставитъ ихъ самихъ воздерживаться отъ дурныхъ совѣтовъ. Нужно впрочемъ сказать, что осуществленіе этой отвѣтственности министровъ (и вообще государственныхъ чиновни-

ковъ) передъ народнымъ представительствомъ въ формѣ, соотвѣтствующей идеѣ и цѣли ея, составляетъ одну изъ труднѣйшихъ проблемъ конституціонной системы; это относится и къ опредѣленію тѣхъ случаевъ, когда министры могутъ быть преданы суду, и къ составу суда, формѣ судопроизводства и мѣрѣ наказанія.

Въ качествѣ общаго принципа „законодательнаго регулированія взаимныхъ отношеній правителей и управляемыхъ въ цѣляхъ возможно болѣе полнаго осуществленія господства истинной общей воли“ конституціонная система одинаково примѣнима какъ къ аристократическимъ и демократическимъ государствамъ, такъ и къ монархическимъ. Разумѣется, различная природа этихъ трехъ формъ правленія дѣлаетъ необходимыми или желательными соотвѣтствующія измѣненія въ нѣкоторыхъ пунктахъ системы. Такъ, напримѣръ, члены аристократическаго правительства (будетъ-ли то аристократія по рожденію, сословію, возрасту или избранію) не пользуются тою

привилегіею личной безотвѣтственности, которая присуща только монарху. Точно такъ же къ нимъ непримѣнимо и понятіе цивильнаго листа, хотя бы они и получали жалованье или другіе доходы, и т. д. Нужно впрочемъ сознаться, что аристократическая форма правленія менѣе всякой другой мирится съ чисто конституціонной системой, такъ какъ уже самый принципъ ея устанавливаетъ неравенство между гражданами, между тѣмъ какъ конституціонная система требуетъ равенства. Однако, если неравенство ограничивается только политическими правами, т. е. правомъ входить въ составъ правительства, въ гражданскихъ-же правахъ народъ равноправенъ съ членами правительства; если въ противовѣсъ правительству существуетъ сильное народное представительство, надѣленное всѣми тѣми правами, которыхъ конституціонная система вообще требуетъ для представителей народа, — то положеніе по существу оказывается вполнѣ сходнымъ съ тѣмъ, которое устанавливается при монархическомъ правительствѣ. Разница лишь

въ лицахъ, составляющихъ правительство, а не въ размѣрахъ предоставленной имъ власти и отношеніи ея къ власти народа.

Что касается наконецъ, строя демократическаго, т. е. утверждающаго идею народнаго суверенитета уже во внѣшней формѣ или въ лицахъ, являющихся носителями государственной власти, то онъ уже тѣмъ самымъ выдвигаетъ въ качествѣ главнѣйшихъ принциповъ своихъ господство общей воли и юридическое равенство между собою гражданъ государства; но эти же принципы являются основными и въ конституціонной системѣ вообще, такъ что въ этомъ отношеніи между ними нѣтъ разницы. Но и въ отношеніи третьяго принципа — обезпеченія непрерывнаго господства истинной, т. е. разумной общей воли посредствомъ планомѣрнаго сотрудничества и взаимодѣйствія искусственнаго и естественнаго органовъ народа — демократія можетъ и должна соблюдать конституціонную систему подобно монархіи и аристократіи. Разница лишь та, что въ монархіи и аристократіи преобладаетъ искус-

ственный органъ, здѣсь — же — естественный, надѣленный главною властью, и, напротивъ, контролирующая и ограничивающая власть принадлежитъ въ первомъ случаѣ естественному органу, во второмъ — искусственному. Чтобы не быть самодержавнымъ, монархическое или аристократическое правительство должно имѣть противовѣсъ въ видѣ естественнаго и законнаго народнаго представительства (или въ очень мелкихъ государствахъ — вѣча), надѣленнаго достаточными полномочіями, чтобы при помощи протеста или права участія въ постановленіи рѣшеній, сглаживать и предупреждать возможныя отклоненія правительственной воли отъ истинной воли народа; точно такъ же и демократическое правительство, чтобы не превратиться въ самый опасный деспотизмъ, при которомъ права отдѣльныхъ лицъ совершенно уничтожаются передъ волею цѣлаго общества или господствующаго въ данное время большинства, и не выродиться въ господство черни, должно само ограничить свое всемогущество установивъ искусственный органъ, въ видѣ,

напримѣръ, небольшого совѣта, президента и другихъ учрежденій, снабженныхъ достаточными полномочіями; мудро регулируя формы созданія законовъ и устанавливая условія приведенія ихъ въ исполненіе, демократическое правительство должно позаботиться, чтобы измѣнчивая воля большинства, часто ослѣпленнаго предубѣжденіями, страстью или поспѣшностью, не нарушала закона и права, не вредила общему благу и интересамъ грядущихъ поколѣній, должно вообще позаботиться, чтобы кажущаяся и фальсифицированная общая воля не подавляла истинную, т. е. разумную.

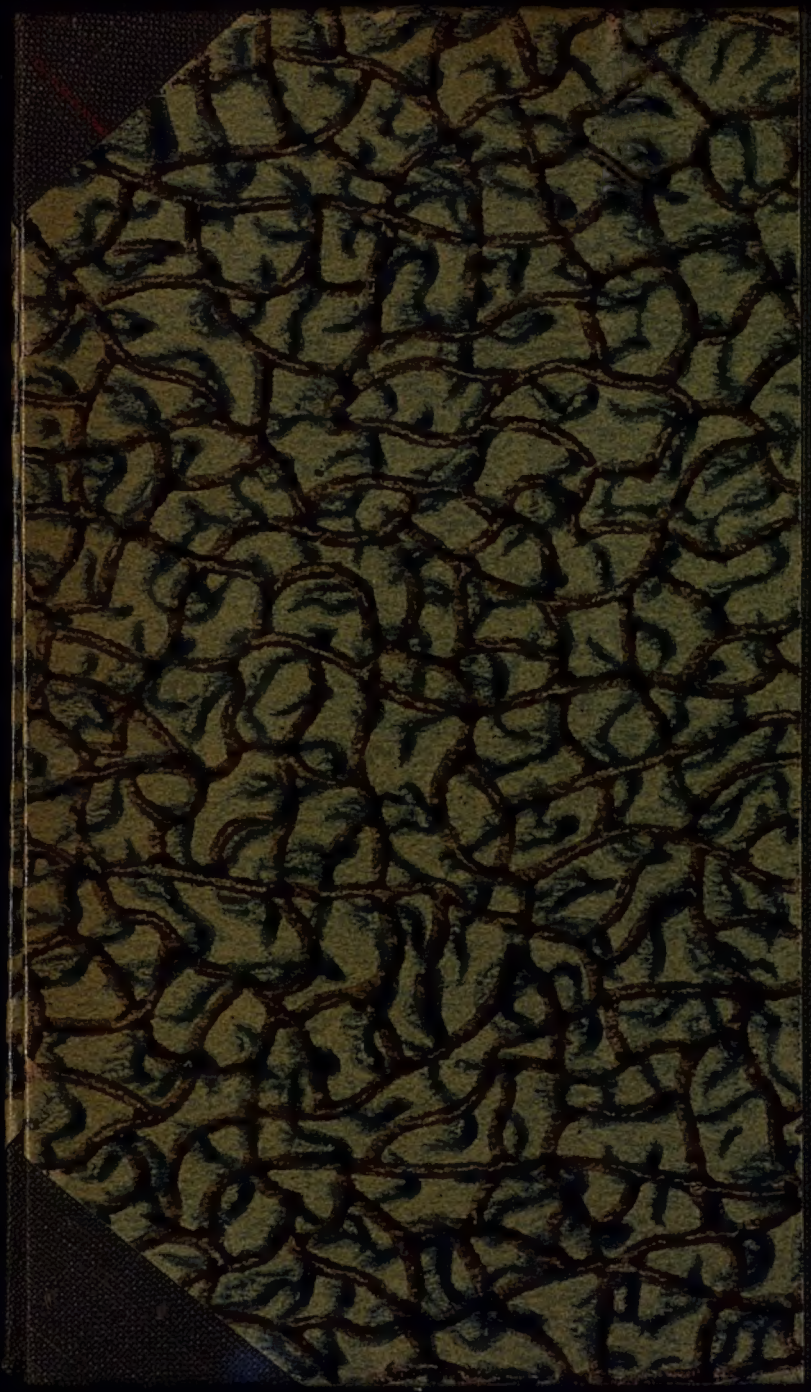
Продолживъ эти разсужденія, мы, быть можетъ, найдемъ такую точку или линію, на которой два такихъ противоположныхъ по названію и формѣ строя, какъ монархическій и демократическій, встрѣчаются благодаря мудрому примѣненію конституціонной системы, такъ что на дѣлѣ остаются лишь несущественныя различія. Если монархическая власть контролируется и ограничивается правами, присвоенными себѣ народомъ — или, скажемъ,

дарованными ему государемъ —, настолько, что на ея долю остается немногимъ больше правъ, чѣмъ тѣ, которыя мудрость рекомендуетъ предоставить президенту или вообще главѣ демократической республики, какъ бы онъ ни назывался, то въ обоихъ случаяхъ устанавливается совершенно одинаковое равновѣсіе властей и, слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ господствуетъ духъ конституціонной системы. И пусть не говорятъ, что, приравнивая монарха къ президенту республики, мы принижаемъ его и наносимъ ущербъ монархическому принципу! Монархъ достаточно будетъ выдѣленъ неприкосновенностью своей особы и безотвѣтственностью, наслѣдственностью своего званія и окружающимъ его блескомъ и богатствомъ. Своею теоріею мы отнюдь не желаемъ отнять у монарха что либо изъ того, что требуется для него или допускается конституціонною системою; наоборотъ, мы хотимъ, чтобы и высшее должностное лицо демократической республики было надѣлено властью, сходною съ властью конституціоннаго

монарха. Такимъ образомъ наше ученіе даетъ кое что первому и ничего не отнимаетъ у второго. Въ аристократической республикѣ дѣло обстоитъ иначе. Тутъ согласно нашей системѣ все аристократическое правительство вмѣстѣ, со включеніемъ президента, не должно имѣть больше власти, чѣмъ мы предоставляемъ государю въ монархіи или избранному главѣ (вообще искусственному органу) въ демократіи. Какая — же изъ обѣихъ системъ — конституціонная или самодержавная — одержитъ побѣду въ Европѣ? Присматриваясь къ вполнѣ опредѣленному, хотя и тщательно скрываемому направленію дипломатіи; изучая политику министровъ въ большинствѣ государствъ; наблюдая тотъ чисто восточный тонъ, который съ каждымъ днемъ все сильнѣе звучитъ въ канцелярскихъ бумагахъ и придворномъ церемоніалѣ, и то превосходящее всякую мѣру рабское угодничество газетныхъ писакъ, которое конечно и въ самихъ правителяхъ возбуждаетъ лишь отвращеніе; читая пропитанныя обожаніемъ фразы репортеровъ о самыхъ мельо-

чайшихъ происшествіяхъ, дѣйствіяхъ и словахъ государей и лицъ, ихъ близкихъ; слушая разсказы о восторгѣ цѣлаго населенія по поводу хотя бы минутной остановки лицъ изъ царской фамиліи въ какомъ либо городѣ или уѣздѣ и т. д.; — можно подумать, что самодержавіе не только находится на пути къ господству, но уже вполнѣ достигло его. Однако, если мы оставимъ въ сторонѣ оффиціальныя и лакейскія манифестаціи и славословія и обратимъ вниманіе на мнѣнія, высказываемыя устно всѣми мыслящими людьми въ народѣ и не обезображенныя ножницами цензора; если мы присмотримся къ взглядамъ и сужденіямъ всѣхъ классовъ и даже самыхъ простыхъ мѣщанъ и крестьянъ и постараемся уловить тотъ духъ, который господствуетъ во всемъ обществѣ, хотя и не проявляется внѣшнимъ образомъ, духъ, бросающійся въ глаза внимательному наблюдателю, — то мы получимъ твердое убѣжденіе, что прочное укрѣпленіе самодержавія невозможно, и что попытки въ этомъ направленіи ограниченныхъ или ослѣ-

пленныхъ страстью государственныхъ людей могли-бы имѣть лишь временный успѣхъ, въ концѣ-же концевъ неизбѣжно окончились бы революціею. Только дурныя стороны человѣческаго характера поддерживаютъ самодержавіе; за конституціонную-же систему стоятъ разумъ и совѣсть; и надо думать, что перевѣсъ будетъ на ихъ сторонѣ. И сами правительства, хорошенько вникнувъ въ дѣло, предпочтутъ опереться на разумъ и совѣсть своихъ народовъ, чѣмъ довѣриться недобросовѣстнымъ льстецамъ. Имъ весьма важно это не только по причинамъ, вытекающимъ изъ ихъ непосредственнаго, внутренняго отношенія къ собственному народу, но и въ виду отношеній съ иностранными государствами. Если-бы самодержавіе получило нераздѣльное господство надъ Европою, то тѣмъ самымъ на мѣсто права была бы поставлена сила, а слѣдовательно было бы уничтожено и государственное право, т. е. независимость мелкихъ и слабыхъ государствъ отъ большихъ и сильныхъ. Тогда-бы и подданнымъ (потому что гражданъ уже не

было бы) было совершенно безразлично, какому государю подчиняться и кому отдавать свои подати и повинности. Во всякомъ случаѣ нравственная сила, которая только и можетъ сгладить несоотвѣтствіе между мелкими и крупными государствами и которая немыслима безъ чувства свободы, была бы убита; всѣ мелкія государства были бы порабощены, лишь только этого захотѣли бы ихъ сосѣди или лишь только нѣсколько болѣе крупныхъ государствъ пришли бы между собою къ соглашенію о порабощеніи или раздѣлѣ ихъ. Противъ этой двойной опасности — революціи и республики съ одной стороны и потери государственной самостоятельности съ другой — не существуетъ — въ первомъ случаѣ для всѣхъ государствъ, во второмъ — для мелкихъ — другого средства кромѣ искренняго усвоенія конституціонной системы.

Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)